

Цин-нян несколько дней подряд отправляла лучшие угощения, чтобы угодить Чжан Ияо. Она уже тайно поручила Чжан Чэньци, и сейчас их отношения были довольно хорошими. Поэтому она решила воспользоваться этим моментом, чтобы укрепить связь с ним, и сделать всё возможное, чтобы он закрепился рядом с наследным принцем, даже если для этого придётся пойти на любые жертвы.

Однако с тех пор, как Чжан Ияо пострадал от обратного действия плода циляня, его здоровье оставалось слабым. Вдобавок, он беспокоился о наводнении на реке Хуайхэ, и у него не было сил заниматься другими делами.

Ранним утром Фэн-гэ подготовил всё необходимое для письма, чтобы отправить Чжан Ияо в Павильон Сяньдэ. Чжан Чэньци уже ждал его у входа. Раньше в этом доме только он мог посещать Павильон Сяньдэ, но теперь появился ещё и надоедливый Чжан Ияо. Если бы не указания матери, он бы никогда не стал его ждать.

Чжан Ияо был одет в изящное зелёное платье, на ногах — грубые тканевые туфли. Он был лёгким, как дымка, и вольным, как облако. Увидев, что все вышли из дома, он сразу понял, что они просто играют роли. Чжан Цзыцин не мог в одночасье измениться из-за одной его просьбы, притворяясь заботливым отцом. Эта фальшивая забота вызывала у Чжан Ияо отвращение. Он скорее восхищался Чжан Чэньци! Тот никогда не скрывал своего гнева, и с момента встречи с Ияо он смотрел на него с ненавистью.

Даже такой дурак и больной, как Чжан Ияо, мог войти в Павильон, а у Чжан Чэньци даже не было права стоять у входа. Как он мог с этим смириться?

— Ияо, тыходишь в Павильон Сяньдэ, где собраны лучшие учёные мужи. Твои слова и действия представляют Дом министра, так что не стоит, как обычно, общаться с сомнительными людьми.

Чжан Цзыцин говорил о делах, связанных с Повелителем Циляня. Его представление о великих учёных мужах сводилось к группе слабых и льстивых людей, с которыми Чжан Ияо даже не хотел иметь дела.

Он сел в повозку, приподнял занавеску и холодно ответил:

— Я думаю, я должен защищать честь покойной старшей принцессы. На этом доме до сих пор висит табличка с её именем. Если говорить о каком-то Доме министра... Похоже, отцу придётся переехать и построить новый дом.

Чжан Цзыцин побледнел от гнева. Этот негодный сын напоминал ему, что он всего лишь чиновник, даже подчинённый, живущий в доме принцессы. В глазах Чжан Ияо он ничего не значил.

Услышав слова Чжан Ияо, все переглянулись. Они предположили, что Чжан Ияо нашёл могущественного покровителя в лице Повелителя Циляня, и его защищают такие слепцы, как князь Цан Юэ. Поэтому неудивительно, что он не считался с отцом и говорил такие вещи.

Когда повозка Чжан Ияо выехала из дома, все начали обсуждать произошедшее, и слуги тоже шептались между собой.

— Слышали, что в тот день в Резиденции наследного принца князь Цан Юэ жестоко унижил господина, и даже принц не осмелился за него заступиться. Видите, как в последние дни подарки из Резиденции наследного принца не перестают поступать нашему третьему молодому

господину.

— Нашему господину? А когда ты его обижал, ты не думал, что он наш господин!

— Не говори за меня, ты ведь тоже поднимал на него руку, когда он разбил твою чашку.

— Этот третий молодой господин...

Услышав это, Чжан И, который до этого молчал, вставил:

— Сейчас ещё не поздно всё исправить. Если затянуть, то, возможно, придётся извиняться перед старшей принцессой уже в загробном мире.

Услышав это, все испуганно закивали.

Чжан И думал, что на этот раз он выбрал правильного хозяина. Чжан Ияо однажды совершит великий прорыв, как карп, перепрыгнувший через Ворота Дракона. Вспомнив, что такое Павильон Сяньдэ, куда даже старший брат не мог войти, он подумал, что хотел бы увидеть выражение его лица, если бы сам туда попал.

Чжан И был всего лишь слугой, и он не знал, что в теле Чжан Ияо сейчас находился Гу Фаньшуан, которому не нужно было перепрыгивать через Ворота Дракона, потому что он уже был драконом — кровожадным злым драконом.

Чжан Ияо никогда не придавал значения Павильону Сяньдэ. С тех пор, как он стал Гу Фаньшуаном, он ненавидел общаться с этими старомодными конфуцианскими учёными. С древних времён Павильон Сяньдэ был местом, где искали таланты для службы при дворе. Многие хотели пролезть туда, думая, что смогут сделать карьеру, но не понимали, что могут погибнуть в этом месте.

Только Чжан Ияо вышел из повозки, как услышал крик:

— Эй, посторонись! Ты что, жизни не дорожишь?

В первый день открытия Павильона Сяньдэ и новички, и старожилы с удивлением смотрели, чтобы понять, кто же так нагло себя ведёт.

— Что уставились? Не видите, что это повозка Дома герцога Ань?

Если раньше они не знали, то теперь, узнав, что это повозка Дома герцога Ань, всё стало понятно. В столице было множество мастеров, и многие из них были из Дома герцога Ань, поэтому неудивительно, что он так нагло появился у входа в Павильон Сяньдэ.

Слуга на повозке привязал лошадей, приподнял занавеску и тихо сказал:

— Третий принц, старший молодой господин... Мы прибыли.

Чжан Ияо увидел, что из повозки вышли его заклятый враг, третий принц Сяо Цзиньюй, и старший сын герцога Ань, Ань Жоци. Все были в шоке. Третий принц так заботился о Доме герцога Ань, что даже лично сопровождал его. Это действительно соответствовало его репутации добродетельного человека.

Чжан Ияо усмехнулся. Эти книжные черви, если бы они действительно были добродетельны, как они могли убить брата и захватить трон? История всегда пишется победителями, и только

они решают, что хорошо, а что плохо.

— О! Это же законный сын министра, которому я отказала! — раздался голос женщины в ярко-красном платье, которая ехала на тёмно-коричневом коне. Её лицо было белее снега, губы — ярко-красные и нежные. Она была так прекрасна, словно сошла с картины. Учёные мужи, которые никогда не видели такой красавицы, мгновенно окружили её, чтобы рассмотреть поближе.

Она оглядела всех взглядом, полным ненависти, и остановилась на Чжан Ияо. В её глазах была такая ярость, что у него мурашки побежали по коже.

Гу Фаньшуан знал, что это младшая дочь герцога Ань, Ань Жоци. Он сохранял спокойствие, не говорил и не отвечал. Его равнодушие задело её самолюбие.

— Брат Чэньци, давно не виделись! — Ань Жоци, увидев Чжан Чэньци, стоящего рядом, подошёл к нему. Как и сказал Чжан Ияо, в сердце Ань Жоци действительно был Чжан Чэньци.

Чжан Чэньци нахмурился, кивнул, но подумал, что сегодня весь успех достался Дому герцога Ань. В первый день открытия Павильона третий принц лично сопровождал, и Ань Жоци действительно оказался в центре внимания.

Чжан Ияо, будучи проницательным, заметил лёгкое изменение в выражении лица Чжан Чэньци. Раньше он думал, что герцог Ань и Чжан Цзыцин были в хороших отношениях, и Дом Ань и Дом министра тесно общались, но теперь понял, что между ними была скрытая вражда.

— Ты что, после того, как я тебе отказала, решил сюда прийти?

Ань Жоци хотела унижить Чжан Ияо. В обычное время Чжан Чэньци был бы рад этому, но сейчас он нуждался в его помощи. Положение его матери как супруги министра зависело от его поддержки. Он поспешил сменить тему:

— Ты что, не слезешь с лошади? Расскажи, где ты был в последнее время?

Она соскочила с лошади, взглянула на Чжан Чэньци и сказала:

— Что с тобой, Чэньци? Ты не похож на себя! Законный сын тебя так напугал?

Чжан Чэньци смутился, его лицо покраснело, и он с трудом ответил:

— Он мой младший брат, не говори глупостей.

Ань Жоци, видя, что Чжан Чэньци в затруднительном положении, поспешил отвести сестру в сторону и тихо посоветовал:

— Третий принц здесь, ты не можешь вести себя прилично?

Любимица герцога Ань, с детства окружённая заботой, была не такой, как другие. Если бы она разозлилась, она могла бы одним ударом убить Чжан Ияо.

Те, кто мог войти в Павильон Сяньдэ, были либо учёными мужами, усердными студентами, либо членами королевской семьи, высокопоставленными чиновниками, а также законными сыновьями и дочерьми знатных домов.

Чжан Чэньци, не будучи ни законным сыном, ни старшим, смог так легко влиться в это место,

что говорило о его усилиях. Иначе, если бы здесь начали играть грязно, он бы не продержался и минуты.

С древних времён эти так называемые конфуцианские учёные строго придерживались моральных принципов и были крайне консервативны. Как мог сын наложницы сидеть с ними и рассуждать о учении?

Вспомнив, как они когда-то рисковали жизнью, чтобы убедить Сяо Цзиньюй лишить Гу Фаньшуана должности и отправить его в ссылку на север, но в итоге погибли от его руки, Чжан Ияо понял, что Сяо Цзиньюй просто использовал его, чтобы избавиться от тех, кто выступал против него, и замкнуть уста народа. Как жаль, что он был так глуп.

<http://bllate.org/book/16708/1535500>